

АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ*

А.Ж. Жаксылыков

Кафедра теории и методологии перевода
Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби
пр. аль-Фараби, 71, г. Алматы, Республика Казахстан, 050013

Объектом настоящей статьи является рабочий аппарат литературной герменевтики, смыслообразование и понимание как проблемы герменевтики, связь герменевтики и текстологии, проблемы переводимости/непереводимости в герменевтическом аспекте.

Ключевые слова: герменевтика, перцепция, рецепция, семиотика, понимание, идентификация, переводимое, непереводимое.

Литературная герменевтика — достаточно сложная и развивающаяся часть герменевтики в области философии, эстетики, культурологии и антропологии. На развитие литературной герменевтики в XX в. и начале XXI в. повлияли достижения и успехи в смежных науках: в языкознании, в философии и эстетике, в теории информации и семиотике, кибернетике и др. Наибольшее значение для литературной и переводоведческой герменевтики имеют актуальные разработки в направлениях современной лингвистики (общего языкознания, нейролингвистики, когнитивного языкознания, этнолингвистики), структуриализма и постструктуриализма, семиотики, теории информации и теории восприятия в психологии.

В сфере проблем современного литературоведения в плане герменевтики перспективными представляются поиски в области так называемой коммуникативной поэтики, текстологии, в рамках которых проблемно и парадоксально рассматриваются вопросы психологии и философии восприятия (перцепции и рецепции).

Достаточно интересными представляются и некоторые нетрадиционные направления современной психологии (квантовой), в рамках которой психологическая сфера рассматривается как мультикоммуникационная и диалогическая (см., например, [1; 2]).

Думается, что исследователь герменевтики не должен пренебрегать и трудами в области антропологии, религиоведения, где серьезно изучаются проблемы культовых психотехник, измененных состояний сознания [3; 4].

Классические труды З. Фрейда и К. Юнга в плане герменевтики с точки зрения философии феноменального прокомментированы Рикером в его известных трудах [5]. Необходимо отметить, что практически все значимые труды по языковой феноменологии Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Х.Г. Гадамера и др. также имеют прямое отношение к проблемам герменевтики.

* Рец.: проф. У.М. Бахтикиреева (РУДН), проф. Т.О. Есымбеков (КазНУ им. Аль-Фараби).

В связи с известными трудами по герменевтике, а их необъятное количество, нужно отметить, что почему-то отечественными исследователями не принимаются во внимание труды ученых-буддологов, хотя известно, что в течение веков именно буддийские филологи и мыслители в первую очередь рассматривали вопросы релятивизма и феноменальности в языковой сфере. Даже не вторгаясь в сферу трудов восточных мыслителей и основоположников буддийской философии, можно указать на классические исследования российских буддологов и филологов [6; 7].

Итак, герменевтика на рубеже XX и XXI в. предстает достаточно сложной областью мировой онтологии со своей длительной историей, генезисом систем мышления, формированием школ и направлений. Герменевтика как историческая онтология, экзотерическая и эзотерическая, является родной сестрой таких наук, как религиоведение, философия, эстетика, антропология, языкознание, психолингвистика и др. Главной ее проблемой является гностицизм и агностицизм как платформы ментальной стратегии человека в познания бытия как феномена.

Эта проблема приобретает особую актуальность в сфере самопознания человека, актуализируя вопросы тождественности языка и мышления, многослойности сознания человека, открытости и закрытости систем вербального мышления, значения сферы подсознательного, процессов смыслообразования и семантизации в мышлении, понимания как процесса идентификации и интерпретации, специфики понимания одним индивидуумом другого, восприятия одной культурой ценностей других культур, восприятия и понимания современниками ментальности прошлого, значение абберации при мультикультурных коммуникациях и т.д. Таким образом, главным вопросом герменевтики по-прежнему остается проблема понимания как декодирования исходного смысла.

Герменевтика как философское, эзотерическое направление прошлых эпох в основном была сосредоточена на вопросах декодирования и прочтения тайных, зашифрованных знаний.

Веками она была уделом закрытых орденов и кланов, или адептов-одинок, которые искали некий философский камень, сакральное послание для посвященных.

Эта сфера мистификации и сакрализации божественного знания, некоего тайного послания, его защиты от непосвященных. Практически все ученые, философы, алхимики, жрецы древних эпох были захвачены поисками сокрытой истины, в результате которых было сделано множество попутных открытий, способствовавших развитию мирового познания.

Мистифицированная, сакральная герменевтика жива и сегодня. Труды креационистов, попытки эзотерического прочтения кодифицированных мировых текстов, Вед, Махабхраты, Библии, Корана, Тибетской книги мертвых, китайской Книги перемен, Египетской книги мертвых, книг-артефактов свидетельствуют об этом. Живы мифы герменевтиков-эзотериков, и они общеизвестны.

Общепризнанным достижением философской герменевтики, отпочковавшейся от основного ствола мистического мышления, стало исследование проблемы подсознания человека.

Проблема подсознания как архаического, полевого уровня психической сферы человека — одна из главных объектов психологии, антропологии, особенно структурной антропологии в XX и XXI в. Результаты развития этих наук, в том числе нейролингвистики, нейролингвистического программирования, как будто говорят о существовании подсознания в сфере психического. Более того, этот уровень как будто структурирован по архаическим культовым парадигмам. Именно из этой сферы вытекает мифологическое мышление человека, культовое поведение, верования и суеверия, реликты магии и т.д.

В трудах антропологов нередко постулируется существование коллективного бессознательного как прапамяти человечества, архаической кладези духовного опыта, где тысячелетиями отслаивались и откладывались реликты сознания кроманьонца, прошедшего такие стадии развития, как анимизм, пантеизм, фетишизм, магия, тотемизм, жреческие культы, шаманизм, солярные, астральные и лунарные культы, этнические институты, мировые религии и т.д. [8; 9].

Скрытые присутствие в языке и поведении человека глубоко укоренных структур, уходящих корнями в подсознание, в темную сферу архаического опыта, загадочная функциональность в языке, в фольклоре субстратных форм, несущих в себе в редуцированном виде архаические жанры и следы институтов седой древности — это тема интересных исследований, основанных на методах структурализма [8; 9].

В конечном счете основным объектом герменевтики предстает язык человека как система систем, видовое свойство кроманьонца накапливать и передавать знания.

Адекватен ли язык человека, так называемой Истине? И существует ли сама Истина как сокровенная зона внутреннего неисповедимого знания, откуда истекают все доисторические и исторически явленные интенции человека о божественном, сакральном, сотерологическом? Если такая Истина существует, то в какой степени язык человека способен отразить ее, и отражает ли?

Вопрос серьезный, нетрудно заметить, что так называемые религии пророческого откровения, иудаизм, христианство, ислам, ныне охватывают большую часть человечества. А пророческое богооткровение — это арамейские предтечи, Библия, Евангелия, Коран со всем драматизмом их претворения в истории человечества. В связи с этим всплывает неизбежный вопрос герменевтики, также психоллингвистики о зоне обусловленного в языке и необусловленного. Этим вопросом серьезно занимается также и нейролингвистика [10].

С точки зрения современного антропологического подхода все линейные и нелинейные структуры языка, как-то: различные дискурсы, синтаксис причинно-следственных отношений, являются корпусом форм обусловленного мышления. Тогда в зону необусловленного мышления попадают невербальные его формы, экспрессивные структуры, отражающие экстремальные состояния, парадоксальные формы (сутры), парадигматические формы (мифы, притчи, аллегории) и некоторые другие.

В буддизме, как известно, тысячелетиями развивается представление о невербальных формах мышления, отражающих принципиально нетривиальное состояние сознания Пустоты как универсума, состояний всех состояний.

Эту концепцию можно интерпретировать дефинициями современной квантовой философии, представляя в категориях *прерывного и непрерывного*. Если воспринимать как *прерывное* слова, мельчайшие единицы дискурса, то *непрерывное* предстает его субстратным фоном, послойно уходящим в экзистенцию существования. Причем промежутки между словами в этой системе предстают не нулевыми (пустотными) фазами, что является заблуждением, а вхождением в зону лакун невербальности, за которой простирается истинно *непрерывное*, то есть экзистенция существования, если только это доступно субъекту.

Таким образом, священный философский камень герменевтиков всех веков, в разные века называемый то Богом, то Логосом, то Абсолютом, то Дао, то Шуньей, то Демидургом, то Истиной, можно интерпретировать как зону максимальной активности сознания в состоянии переживания *непрерывного*, то есть универсума.

Думается, некорректен вопрос о возможности такого состояния, ибо непродуктивно его обсуждение в плоскости дуалистических методологий. По крайней мере стремление к заветной цели веками вдохновляло неисчислимые поколения адептов, были разработаны не только герменевтические схемы, таблицы, карты, эзотерические геометрии, всевозможные коды и шифровки, символы и маркировки, но и культивируемые психотехники, восточные и западные.

Литературная герменевтика в основном сосредоточивается на проблеме языковых (литературных) дискурсов в связи с известным материалом парадигматических сюжетов в литературных произведениях, тайных шаманских языков, всевозможных интертекстов, иносказания, подтекста, намеков, аллегорий, скрытых посланий, закодированных сообщений, нарочитых абракадабр, филологической игры (аллюзий, каламбуров) и др. Классические примеры — рассказ Э. По «Золотой жук», «Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» Л. Кэррола, роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита», роман У. Эко «Имя розы», «Мухаббат наме» Аль Хорезми, «Лейли и Меджнун» Физули и многие др.

Литературная ситуация, в частности сюжет в сюжете, как будто говорит о закодированном сообщении, которое должно быть прочитано и понято, то есть декодировано адекватным образом. Но возможно ли адекватное прочтение текста? Если возможно, то в какой мере? Гадамер в результате своих исследований говорит о восприятии любого дискурса как об интерпретации. «А также я говорю, что понимание — это всегда понимание Другого. Что себя отодвигает, что себя сдвигает тогда, когда мое слово достигает Другого, или тогда, когда текст достигает своего читателя, — никогда не может быть зафиксировано в жестком тождестве. Там, где должно быть понимание, там обнаруживается не только тождество. Напротив, понимание полагает, что один способен встать на место другого, чтобы сказать, что он здесь понял и что он на это должен сказать. Как раз последнее не предполагает повторения. Понимание в самом буквальном смысле означает именно то, что другой предмет перед судом или перед чем-либо еще может представить понимаемого, вступить за него» [11. С. 3].

То есть, по Х.Г. Гадамеру, понимание — это интерпретация, ибо в нем присутствует элемент нового. Если любая мотивация или смыслообразование, осу-

существляемое как понимание, есть по сути интерпретация, тогда что же является идентификацией? Возможно ли вообще идентификация как обнаружение истинно чужого высказывания, представляющего чужого в его собственной сущности? Не заведет ли нас в поле тотально неопределенного увлечение языковой относительностью, то есть соблазнами теории интерпретации?

Все эти вопросы имеют серьезное значение не только для философской герменевтики, но и для теории перевода, ибо переводоведение представляет плоскость полемиического пересечения интересов, представляющих разные тенденции и стратегии, например методы адекватного и вольного перевода. Нет необходимости пояснять, что теория интерпретации открывает методологический простор для сторонников именно вольного перевода.

Для теории перевода значимо то обстоятельство, что любое прочтение текста может предстать инвариантом перевода, ведь общее поле здесь — перцепция, то есть восприятие изначального текста. Однако текст воспринимается живым существом, не машиной, следовательно, реально происходит преломление текста в фокусе индивидуального восприятия. Неизбежность преломления текста объясняется сторонниками интерпретации следующими факторами: уровни прочтения и понимания исходного текста разными субъектами всегда нетождественны, что может быть обусловлено неравноценностью интеллектов, разнородностью культур, действуют различия на уровне памяти и внимания, несхожесть мировоззрения, влияет даже пол и возраст перцепиента, психологическое состояние в момент восприятия и т.д.

Одновременно парадоксальность ситуации восприятия исходного текста многими субъектами обуславливается наличием единой матрицы, с которого осуществляются субъективные прочтения.

Этот единый матричный текст и оказывается неуловимым, поистине феноменальным.

Его существование феноменально, по той причине, что он реализуется в живом субъективном сознании. Живая рефлексия практически никогда не фиксирует себя в настоящем, а только в прошлом, пусть даже речь идет о нано единицах времени. Это психологическое прошлое представляет собой каскад событий, уходящих в бесконечную диахронию, ибо любой текст обусловлен множеством предшествующих во времени текстов. Иначе любой текст (событие) предстает своего рода вершиной пирамиды, сложенной из временных слоев, где высшая точка есть момент осознания.

С точки зрения экзистенции (переживания) настоящего текст существует и не существует. Существует он как потенциал возможных прочтений, то есть как вечная разомкнутость в будущее через точку настоящего, постоянно ускользающего и осыпающегося в прошлое. Не существует в плане того, что экзистенциальное настоящее иллюзорно, ибо оно является психологическим следом пережитого прошлого. Как только оно осознано, оно уже стало прошлым, или виртуальностью.

Такая трактовка перцепции не приветствуется сторонниками адекватного перевода, то есть эквивалентного прочтения текста. И вот почему. Если мат-

ричный текст, то есть модель, не существует, то откуда появляются варианты прочтения?

Если речь идет о произведениях литературы, то надо говорить о множестве прочтений в пространстве и времени жизни национальной культуры. Сторонники адекватного метода говорят о сумме прочтений исходного текста, репродуцирующихся в пространстве-времени мультикультурных репликаций [12].

Если нет метатекста, каким же образом появляется сумма прочтений по синхронии и диахронии пространства культуры? Значит, метатекст существует, и чем объемней духовно-эстетический масштаб произведения, тем больше оказывается сумма заложенных в нем прочтений, то есть репликаций. Есть очевидная диалектическая связь между масштабом таланта художника и суммой возможных прочтений текста.

Тем не менее, невозможно идентифицировать метатекст, ибо любая интенция, даже авторская, будет неизбежно интерпретацией — такова субъективная сфера. Таким образом, перед нами поистине герменевтическая проблема — существование и несуществование метатекста.

И опять становится очевидной непродуктивность попыток решить этот вопрос в плоскости дуалистической методологии. Это похоже на старый спор о том, что было раньше, курица или яйцо? Такие онтологические ситуации требуют анализа самой природы и структуры мышления, так возникла квантовая философия, где объектом наблюдений становится сам субъект мышления.

По этому поводу в свое время писала А. Абуашвили: «В ходе дискуссии столкнулись текст (и его вечный спутник, но не двойник — смысл) с интерпретацией (и ее тезками трактовкой и прочтением). Тексту, надо сказать, изрядно перепало. Каждая эпоха читает его по-своему. Каждое поколение читает его по-своему. Каждый читатель читает его по-своему. Что же в этом хваленном тексте объективного? Был ли вообще текст, может, текста-то и не было?» Далее она резюмирует: «Так что текст, видимо, все же существует. И переводить надо все же не „свое прочтение“ — одно из возможных, — не свою интерпретацию, а именно текст — воплощение всех возможных (бывают же и невозможные) прочтений и интерпретаций. И чем полнее переводчик воссоздаст, воспроизведет („репродуцирует“, по терминологии И. Левого) на родном языке всю мыслимую сумму прочтений (бывают же и немислимые), объективно содержащуюся в тексте оригинала, тем достойнее выполнит он свою задачу» [13. С. 72].

Эта проблема, конечно, выходит за рамки переводоведения и герменевтики, она приобретает значение краеугольной не только в текстологии, как направлении лингвистики, коммуникативной поэтики (литературоведения), но и в целом самой онтологии как учения о специфике познания, его становления, генезиса, коллизиях и перипетиях роста.

Речь идет о том, что цивилизация познает мироздание через текст, его восприятие выстроено по текстовым моделям, всю историю нашего вида можно определить как разворачивание в континууме текстовой, цифровой парадигмы. И все потому, что в основе мышления нашего вида заложен язык, а это неизбежно — текст, хотим этого или нет. Вполне корректно определение всей фо-

новой культуры вокруг индивидуального языка как контекста. В таком случае метатекстом предстает вся история человечества, реализованная в сумме всевозможных текстов, и пусть это выглядит несколько метафизично, но метатекст как хронология человечества активен не только в плане прошлого и настоящего, но и будущего.

Здесь вполне уместны и интуитивные догадки теоретиков постмодернизма о том, что виртуальные тексты предпосланы своим авторам в астральном континууме судьбы.

На фоне таких представлений мы должны понимать, что любой перевод выступает полилогом, где в центре литературных коммуникаций так или иначе находится актуализированный исходный текст, как сумма возможных прочтений и генерализация предшествующих прочтений.

Причем полилог в основном протекает по линиям диахронии, в то время как синхронные линии коммуникации обеспечиваются диалогом.

Таким образом, реальным объектом герменевтики выступает метатекст как матричная структура, и тем он объективнее, чем глубже и масштабнее сумма возможных репликаций, опосредованно заложенных в ней. Метатекст существует неизбежно в плане всевозможных интерпретаций и прочтений, нравится кому-то это или нет, он функционирует таким способом, образуя внутренний объем и структуру человеческой культуры, где информация является чем-то вроде кровотока, она циркулирует по всем направлениям полилога и в синхронной и диахронной плоскости. Образ такой многомерной энергоинформационной структуры неизбежно выстраивается в современной мировой онтологии, в информатике, синергетике, квантовой физике (теория суперструн) и т.д.

Таковы более или менее значимые аспекты литературной и философской герменевтики.

Существует градация частных, локализованных аспектов литературной (переводоведческой) герменевтики, которые требуют своего разъяснения. Для нас здесь важно следующее: понимание возможно, оно существует, это не жесткое установление тождества с чужим (термин Гадамера), а сотворчество, выстраивание опыта чужого, моделирование и воссоздание этого опыта. Отказ от самого себя, отрицание самости, самоидентификация с чужим, восприятие его опыта как своего, переживание другой жизни, ее претворение в своем опыте и осознание на глубоком уровне коллективного, бессознательного и есть понимание.

Таким образом, понимание есть обретение чужого опыта в плане коллективного бессознательного, где «я» уже не является преградой, где нет никакого отчуждения, никакого абстрагирования, а интеграция происходит на немислимом уровне. В таком контексте *понимание* другого есть обретение самого себя континуального, подсознательного, полевого. Здесь неизбежно задействован нравственный опыт, то есть *истинное понимание* происходит на более глубоком уровне, нежели рационально-логическое познание, операции мышления. Так же, как в космосе, где гравитация взаимодействует более глубоко, нежели другие силы (электромагнитные, волновые, дискретные), в преобразованном виде оно действует

и в микромире, так и в мире человеческих коммуникаций духовно-интуитивное, нравственное участие заходит в более глубокие сферы, нежели интеллектуальные. Следовательно, понимание метатекста вполне возможно, оно прямо зависит от параметров личности, осуществляющего переводческую репликацию, и, прежде всего, от духовно-интеллектуальных, интуитивно-волевых.

Любые тексты, особенно литературные, являются отражением контекста как репрезентации национальной культуры.

Зона пересечения национальных культур в плане реального понимания весьма широка. История человечества показывает, что можно понимать и воспринимать, по крайней мере, трактовать, любой этнический (родовой) опыт, ничего истинно чужого, то есть отчужденного, запредельного нет.

Любые экзотические культы, обычаи, верования, суеверия, институты, традиции самых отдаленных народов и этносов в конечном счете понятны, ибо нечто подобное имелось в какие-то эпохи в опыте своего народа. И это потому, что все народы, этносы и племена на Земле являются представителями одного вида, и генетически и исторически это один вид живой популяции на земле.

Понимание — очень широкая онтологическая категория, она выходит за сферу индивидуально-психологической перцепции. Это зона коммуникации человека с себе подобными (по аналогии) не только в социуме, но и в пространственно-временном континууме истории, космоса, и даже в зоне всего живого вещества на планете. Последние два века развития цивилизации на Земле показывают, что человек может понимать и расшифровывать даже сигнальные (доязыковые) системы организованных животных и насекомых (приматов, дельфинов, слонов, собак, птиц, муравьев и пчел).

Перевод как репликация информации несколько уже понимания в онтологическом смысле. Поэтому в сфере переводоведения существует представление о непереводе в переводе. А это объект собственно переводоведческой герменевтики.

Непереводимое в переводе, являясь проблемой, скорее, лингвистической, нежели онтологической, простирающейся в зоне интерпретации, предстает задачей переводоведческой герменевтики. Онтологически не существует такого человеческого (этнического) опыта, которое нельзя было бы понять языком интерпретации, прочтения, комментирования, сопоставления своего и чужого. И это потому, что существующее на планете человечество — это один вид, имеющий коллективное бессознательное, единую прапамять, то есть метатекст идентификаций. С этой точки зрения гностическая позиция предпочтительнее, нежели агностическая.

Однако в переводоведении существует понятие о непереводе, и эта категория значимая скорее как знаково-лингвистическая проблема, нежели смысловая, семантическая. Эта проблема становится более обостренной и сложной, чем далее отстоят по параметрам этнокультуры, ландшафта, истории национальные культуры, вступившие в переводческую коммуникацию. И напротив, зона неперевода становится уже, сходит почти на нет, если в коммуникации на-

ходятся братские, родственные культуры. Можно с уверенностью признать, что в языковой зоне казахского и кыргызского народов почти нет непереводаемого. И это вполне очевидно.

Проблема непереводаемости становится вполне ясной, когда представляешь задачу перевода, например, алтайского горлового пения как жанра на европейские языки. Семантико-фонетический жанр шаманского горлового пения оказывается невозможно воспроизвести средствами лингвистики европейских языков. Здесь нет совпадения национальных мелосов, поэтому затруднительным оказывается восприятие.

Обычно к непереводаемым единицам языка относят локализованную группу идиом, поговорок, диалектные слова и словосочетания, субстраты (архаизмы), неологизмы, окказионализмы, каламбуры, эмотивы из старого фонда языка, некоторые архаизмы и историзмы, а также старый жаргон, некоторые термины этнолексики, некоторые культовые слова.

Сюда же можно отнести специфический религиозный язык. Например, некорректно старославянские церковные слова и словосочетания передавать функционально аналогичным кораническим языком. Или язык китайского буддизма переводить языком мусульманского суфизма. А такие прецеденты есть. Однако внутри родственной культурной зоны такие переводческие репродукции вполне возможны. Например, роман У. Эко «Имя розы», написанный языком католической религии, успешно переведен старым русским церковным языком.

Теоретики перевода такие языковые единицы называют безэквивалентной лексикой. То есть данные слова представляются непереводаемыми с точки зрения критериев эквивалентной передачи. Это означает, что названные языковые единицы все же можно перевести другими способами, которые существуют в практике. Мастерами перевода отработаны такие способы перевода трудностей языка, как транслитерация со сносками, транскрибирование со сносками, описательный перевод, интерпретация, трансформация, комментирование, развитие, переложение и т.д. В теории перевода принято считать, что самые трудные случаи в переводе, когда возникает проблема непереводаемости, например, при переводе каламбуров («Алисы в стране чудес», «Алисы в Зазеркалье»), нужно исходить из необходимости передачи эстетической функции исходной единицы. Творческий подход переводчика предполагает создание аналогичного по функции каламбура средствами принимающего языка.

Исходя из этого, можно принять точку зрения, что истинной герменевтической проблемой в переводоведении является объект литературной герменевтики, традиционно изучаемый этим направлением эстетики.

Бесспорно, в зоне герменевтической проблемы в художественном языке находятся явления тайного (кодового) языка, шифрованного профессионального языка (язык шаманов и магов), метафоры (сверхсложные метафоры), сложные способы организации подтекста через маркировки и намеки, цифровые алгоритмы, зашифрованные реминисценции и аллюзии, эвфемизмы, паузы и умолчания, примененные для подтекста, сложные формы интонирования голоса повествова-

теля, сложные формы идиостилей в текстах модерна и постмодерна и т.д. Всевозможные филологические игры и эксперименты («Улисс» Д. Джойса), суггестивный стиль («Шум и ярость» У. Фолкнера), изощренная символика (поэзия суфиев), встречающиеся в литературе, требуют от переводчика энциклопедических знаний, изысканной переводческой стратегии, большой подготовки к процессу перевода, особых волевых, духовно-интеллектуальных качеств. Однако именно это и делает перевод столь привлекательным занятием с огромным онтологическим потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Уилсон Р.А.* Квантовая психология. — К.: Янус, 2001.
- [2] *Капра Ф.* Паутина жизни. — К., 2003.
- [3] *Торчинов Е.А.* Религии мира: опыт запредельного, психотехника и трансперсональные состояния. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998.
- [4] *Элиаде М.* Шаманизм: архаические техники экстаза. — К.: София, 1998.
- [5] *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки герменевтики. — М., 2002.
- [6] *Щербатской Ф.И.* Избранные труды по буддизму. — М.: Наука, 1988.
- [7] *Розенберг О.О.* Труды по буддизму. — М.: Наука, 1991.
- [8] *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. — М.: Политиздат, 1989.
- [9] *Леви-Строс К.* Структурная антропология. — М., 1985.
- [10] *Спивак Д.Л.* Лингвистика измененных состояний сознания. — Ленинград: Наука, 1986.
- [11] *Гадамер Х.Г.* Деконструкция и герменевтика // Герменевтика и деконструкция. — СПб., 1999.
- [12] Круглый стол: Художественный перевод и взаимодействие литератур // Вопросы литературы. — 1979. — № 5.
- [13] *Абуашвили А.* Существует ли текст? // Вопросы литературы. — 1979. — № 5.

ASPECTS OF LITERARY HERMENEUTICS

A.Zh. Zhakhsylykov

The Department of theory and Methodology of Translation
The Kazakh National University n.a. Al'-Farabi
Al'-Farabi av., 71, Almaty, Kazakhstan, 050013

The objectives of the article deal with the actual apparatus of the literary hermeneutics, meaning formation and understanding as hermeneutical topics, interconnection of textology and hermeneutics, the problem of translatability/non-translatability in hermeneutical aspect.

Key words: hermeneutics, perception, reception, semiotics, understanding, identification, translatable and non-translatable entities.